

Система Гезо. Планета Окситт

Восточный сектор Бездны, состоящий из двадцати восьми систем и насчитывающий сорок четыре планеты-колонии, каждая с населением не менее десяти миллионов человек, был готов уподобиться пчелиному рою. Вариация синдиката — безымянная организация, распространившая свою власть там, где Совет Весты и Космический Дозор не имели права на вмешательство, была на грани краха. А с крахом организации готовились к гибели сотни видов законной и незаконной деятельности, напрямую зависящие от поддержки сильных мира сего.

Преступные сообщества из соседних секторов в поисках наживы устремили свои взоры на ослабленного конкурента, что привело к необходимости сделать правильный выбор. И час решения настал на территории колонии Дома Незо, планете Окситт, расположенной в системе Гезо.

Крупнейшее казино города Окситт в этот день не принимало посетителей. Здание, принадлежащее организации, было освобождено для проведения возможно последней встречи её глав. Около сотни человек собрались для того, чтобы лично отстоять свои интересы, чтобы посмотреть в глаза каждого совладельца и убедиться, что за его решениями никто не стоит.

Никакой личной охраны внутри здания: так заведено во многих группировках, повязанных теневой деятельностью. Зато снаружи можно было наблюдать повышенную активность людской массы. Ребёнок сидит на лавочке и ест мороженое, скрывая под перчатками не по возрасту огрубевшие ладони. Влюблённые воркуют, пролетая на зарезервированном двухместном гидрионе, но отчего-то пролетают уже третий круг подряд. Через улицу старик читает сводки новостей в инфо-панели, но не новости его интересуют, а отражение происходящего за его спиной. Между зданий без усталости кружит птица, с механической точностью повторяющая свой маршрут...

А в здании казино, собравшиеся решили занять аукционную комнату, где каждый сможет обусловить точку зрения фракции, сформировавшуюся в виду кризиса. Самые влиятельные члены организации, представляющие свою фракцию, из-за необходимости выхода на сцену сидели в первых рядах. Те же, кто не определился со своей позицией, предпочли занять места подальше.

И вот лёгкий гул голосов затихает, когда на сцену выходит ОНА. Обладательница всевозможных смыслов понятия «зрелая красота». Регент сообщества, предпочитающего оставаться без названия — лицо и дух организации...

— Друзья, — приятный мягкий голос охватывает весь аукционный зал, — благодарю вас всех за то, что откликнулись на призыв и прибыли на мой зов. Чуть больше года назад, мой супруг был схвачен секретным подразделением веста, что ослабило нашу военную мощь, ослабило наши позиции на рынке. Моя вина в том, что я не предполагала, что потеря одного человека окажет такое влияние на всех нас. Враги окружили нас. Они почуяли кровь. И как бы мы не старались сохранить всё в первозданном виде, перемены неизбежно нас поглотят. Сегодня я бы хотела решить, каким будет наше будущее, сегодня мы выслушаем мнения каждой стороны. Сегодня мы сами определим дальнейшее развитие событий...

Голос женщины затихает и, пока регент покидает трибуну, сменяется стуком каблуков по мраморной поверхности пола. Наблюдая, как женщина усаживается в одно из кресел первого ряда, многие из присутствующих удивлённо переглядываются. Было бы разумно ожидать более длинную речь, направленную на обеспечение поддержки со стороны сомневающихся, теме не менее, регент будто решила отдать всё в руки случая.

«Чем вызвано это решение? Она сломлена? Нет, её взгляд ещё полон решимости».

«Быть может, она уже всё для себя решила и уверена, что собрание закончится в её пользу?»

«Что ж, посмотрим...»

С места встаёт рахдиец с суровыми чертами лица, морщины и длинная ухоженная борода говорят о том, что он уже прожил больше половины отпущенного ему природой срока. Резкие движения, уверенный шаг, направленный на аудиторию ясный взгляд. И голос, такой же резкий и громкий, как и он сам:

— Вот уже пятьдесят лет наша рука ведёт Восточный сектор. А помните ли вы, отчего его так стали называть? В Бездне нет сторон света, есть только координаты и ничего не значащие имена систем. И возможно, если бы не мы, так бы всё и оставалось. Я спрашиваю: помните ли вы, как семьдесят три года назад, мы начали реализовывать идею, лежащую в основе нашей сегодняшней организации? Именно на этой самой планете, в этом самом городе мы попытались... и у нас получилось. Помните ли вы, как мы создавали виртуальную государственную единицу? Сколь мала была наша поддержка? Как только нам не приходилось выкручиваться, чтобы привлечь всё больше и больше людей? Но мы справились. По одной проблеме за раз, по одному человеку в неделю. Мы помогали людям, чем могли: начиная со связей и информации, а заканчивая землёй. Наше виртуальное государство становилось всё больше, наше влияние крепло, а всё потому, что мы делали это, основываясь на собственных принципах. Мы старались помогать тем, кто заслуживал помощи, и люди к нам тянулись. Мы и оглянуться не успели, как сотня граждан превратилась в сотни тысяч. Мы вышли за пределы этого города и устремились к ближайшим планетам, ближайшим звёздным системам. Мы стали катализатором того, что эти колонии «взошли». Восточный сектор — не часть света, это колонии, что встретили восход с нашей помощью, это государственный Дом без видимых границ и препятствий, где МЫ, его создатели и правители всеми средствами добивались только одного — благополучия каждого, кто стал под нашу опеку. Мы действовали согласно семейным ценностям, и мы стали семьёй. Сколько бы нас ни было, какие бы вопросы между нами не возникали, мы есть и останемся семьёй...

Рахдиец обрывает свою речь, давая возможность каждому осознать сказанное. Он делает три глубоких вдоха, сжимает своими широкими ладонями края тумбы и продолжает:

— Конечно, бывало всякое, но вместе мы пережили каждое из испытаний. Было время, когда нас называли чудотворцами. Я отлично помню эти дни: дни, когда нас всех спасла юная девушка, чем и заслужила себе право стать во главе и называться регентом... И я вовсе не преувеличиваю, ведь мог бы кто-нибудь из нас изменить положение вещей так, как это сделала она? Когда мы достигли первых проблесков успеха, многие захотели нас подчинить, подчинить каждого, кто вступил в наши ряды. Мы пытались себя защитить, редкие стычки были готовы перерасти в войну, что уничтожила бы всё, чего мы добились. Так бы оно и случилось, если бы нашим официальным лицом в сети не выступала Ванесса Эйтис... Кто-то скажет, что она ничего не сделала, и нам просто повезло, что на её месте могла быть любая, и результат был бы тот же. Но нет — она сделала то, что никому из нас было не под силу: она усмирила зверя, при встрече с которым большинству из вас пришлось бы менять бельё. Полвека назад Филипп пришёл, чтобы подчинить нас, но в результате он был подчинён женщиной и стал ведущей силой нашего правосудия. СПВ отобрало его у нас, но, тем не менее, нашим лидером была и остаётся регент Ванесса Эйтис. Наше дело ещё живёт, люди ещё верят в нас, а я верю в нашего регента, я верю в неё и готов защищать так же, как и прежде. Пусть мы и ослаблены, но положение вещей не долговечно, особенно во время конфронтации. Вы все меня знаете уже не один десяток лет — я никогда не был сторонником насилия, но сейчас я предлагаю встретить

каждого ублюдка так, как он этого заслуживает. Пусть мы не привыкли вести войн кроме торговых. Пусть. Но, когда враг поймёт, что его желания грозят гибелью каждой из сторон — он отступит. — Выступающий глава совета наклоняется вперёд, тумба под натиском его ладоней начинает трещать. — Я призываю защитить наш Дом, защитить нашего регента, защитить наше будущее!

Пока распалённый рахдиец возвращается на своё место, аудитория наполняется лёгким шумом голосов. Но говорят не все. Многие из присутствующих понимают, что происходит на самом деле и не видят причин выказывать какие-либо эмоции раньше времени.

Следующим на сцену выходит мужчина средних лет. Его череп покрывают татуировки, глаза подозрительно блестят, а с лица не сходит скользкая улыбка.

— Дамы и господа, я понимаю, что мы все возбуждены после пламенной речи Ханоши, но давайте смотреть правде в глаза: нам, безусловно, повезло, что у нас есть Ванесса, и просто чудо, что за последние пятьдесят лет наше виртуальное государство смогло охватить более четырёх десятков колоний. Тем не менее, давайте не будем закрывать глаза на угрозы, которых уже одним именем не отпугнуть. — Говорящий бросает скользкий взгляд на зал. — Полвека назад из-за свободных портов в близлежащих системах многие вели торговлю с пиратами Вольного сектора, отчего многие системы и находились под защитой пиратов. Любой преступный синдикат подумал бы дважды, прежде чем выпускать свои когти. Тем не менее, когда мы начали успешно развиваться, то привлекли внимание каждого человека, не обделённого властью в этих краях. Когда-то нас хотели подчинить так же, как и сейчас, использовать нашу систему виртуального гражданства, расширить свою власть и увеличить доходы. Спасение было неожиданным даже для спасителя. Не думаю, что Филипп, тогда ещё молодой уважаемый капитан пиратов, мог подумать, что в попытке захватить наше бесплотное государство, его сердце будет захвачено Ванессой, нашим бесценным представителем. Кто-то назовёт это брачным контрактом, но я скажу, что это судьба. Закономерность, лежащая в крови каждого мужчины и женщины. Филипп позволил себя очаровать, а Ванесса одарила его взаимностью. Да кто бы на его её месте не ответил взаимностью человеку, что ради любви дал отпор своим врагам и союзникам, не позволяя устанавливать порядки и защищая весь Восточный сектор. Он мог быть в числе тех, кто разорвёт нашу организацию на куски, но выбрал стать нашим союзником, союзником нашему регенту. Это факт. Но также фактом является и то, что Филиппа с нами больше нет. У нас больше нет той боевой мощи, что охраняла нас все эти годы. Его люди уважали и боялись только своего капитана, но никого из нас. Поэтому-то мы и стоим на распутье: сражаться ли за свой дом, или принять мирную капитуляцию. Один из основателей нашего виртуального Дома, всеми уважаемый Ханоши ясно выразил своё желание дать хищникам отпор. Я же предлагаю другое решение... Я предлагаю принять неизбежное и продать все наши активы втридорога...

Зал наполняется ропотом. Большинство из присутствующих выражают презрение, негодование и ярость. Упомянутый же ранее мистер Ханоши краснеет больше обычного и с силой сжимает подлокотники своего кресла.

— Прошу, не стоит так близко к сердцу принимать мои слова, — улыбаясь, продолжает говорить мужчина на сцене, — мы дали восточному сектору достаточно — пришло время людям самим о себе позаботиться. Это неизбежная судьба каждого ребёнка. Я лишь предлагаю извлечь из сложившейся ситуации наибольшую пользу.

Гомон в зале усиливается, и выступающий понимает, что он исчерпал своё право говорить. Поклонившись всем присутствующим, мужчина возвращается на своё место. Шум голосов не утихает. Лишь двое из первых рядов остаются невозмутимы: регент и президент совета.

Первый и второй человек по важности в организации. И они оба понимают, что только их точки зрения столкнулись на сегодняшнем собрании, всё остальное — мишура.

Президент совета был стар, он был стар ещё во времена становления организации, и он отлично понимал, что здесь происходит.

«Спектакль довольно неплох, но слишком предсказуем. Чего ещё ждать от властолюбивой женщины? Скорее всего, она лично попросила Ханюши выступить первым, зная его позицию, и что он будет искренним в своих словах. Затем пришёл черёд этого мальчика Сурке: предложить обратное и унижительное решение, только чтобы подтолкнуть присутствующих к войне. Ванесса-Ванесса, и не стыдно тебе манипулировать своей семьёй. Что ж, пожалуй, пора прекращать этот фарс, регент, поди удивится, что я возьму слово раньше, чем она планировала».

Когда присутствующие замечают, что на сцену выходит старец, зал затихает, выражая своё почтение президенту. А старик не спешит, медленно становится за тумбу, бросает взгляд на регента, кашляет, некоторое время собирается с мыслями, делает вдох:

— Друзья, не будем нарушать наши правила и поддаваться эмоциям при принятии важных решений. Я понимаю, почему многие проводят параллели с событиями давно минувших дней. Но следует учитывать и изменения, которые греют мои старые кости... Кхе-Кхе... Мы уже не многообещающая организация, мы — зрелый плод наших стремлений и надежд, что превратился в столб, на котором балансируют все колонии Восточного сектора. Поэтому, для наших врагов на сегодняшний день мы будем гораздо более желанной добычей... Кхе-кхе... И прежде чем мы примем решение, я хочу, чтобы каждый из нас ясно увидел последствия каждого из путей, по которому мы можем пойти. Младший Ханюши прав в своём стремлении защищать труд нашей семьи... Младший Сурке тоже прав в желании избежать ненужного кровопролития... Но давайте подумаем, какой исход будет наиболее плачевен. Даже не тот, где мы дадим отпор, и синдикаты из соседних секторов разорвут нашу организацию на части. Наихудшим вариантом будет разлад в семье. Если кто-то сбежит, кто-то продаст активы врагам, а оставшиеся окажут сопротивление — мы потеряем всё, чего достигли за эти семьдесят лет. Поэтому наше единственное спасение в единстве, а кризис не должен стать камнем преткновения для нашего государства.

Старик заходится в кашле, и некоторые члены совета неловко переглядываются, понимая, что кашель не является проявлением физиологического недуга. Некоторым так сильно хочется поделиться мыслями с близ сидящими, что они начинают ёрзать. Однако никто не смеет проявить неуважение, никто не смеет нарушить речь.

— О чём это я, — продолжает президент совета, — ах да. Пираты Вольного сектора, контрабандисты Туманной области вкупе с наркоторговцами из синдиката Орейхо, а также клан «Купол» из сектора Филина. Мы можем ожидать нападения от каждого из них... Кхе-кхе... Тем не менее, я с некоторыми старейшинами совета приняла эгоистичное решение, которое делает наше сегодняшнее собрание бессмысленным.

Если в зале до этого было относительно тихо, то после сказанных слов аудитория затаила дыхание, переваривая услышанное и не понимая, что происходит. Президент тяжело вздохнул, стыдливо понурил голову и продолжил:

— Я придумал способ, который позволит нам избежать кровопролития и сохранить наши труды. И да, говоря о кровопролитии, конечно же, никто из вас не представляет, как будет сражаться с врагом лично. Но сражаться будут наши союзники, умирать будут члены нашей

семьи, а когда враги узнают состав нашего совета, а они узнают, уж поверьте, они доберутся и до нас. Будут убивать одного за другим, убивать до тех пор, пока оставшиеся главы не примут капитуляцию, тем самым плюя в сторону всех, кто за них умирал...

Президент делает паузу, наблюдая за реакцией зала, их страхом осознания, непониманием происходящего, томным терпением. Смотрит на регента и замирает: Ванесса сохраняет спокойствие. Спокойствие, которое не должно было сохраниться на лице женщины, готовой пожертвовать всем, ради удержания власти. Она не могла смириться, только не она, даже если знала о планах президента задолго до собрания. Регент продолжает держать себя так, будто всё идёт согласно её планам. Это неожиданно даже для такого старика как президент, но отступить уже поздно — ему необходимо продолжать:

— Позвольте, я поясню... Кхе-кхе... любое другое виртуальное государство, созданное в любом из секторов, было создано только с одной целью... С целью покрывать движение активов преступных организаций и предоставлять юридическую защиту любому, кто готов за это заплатить. Соответственно, Совет Веста не может вечно закрывать глаза на подобные вещи. Так и повелось, что каждая зона абсолютной экономической свободы падает под подозрение. Но не мы. Мы работали ради идеи. Мы оказали помощь каждому предпринимателю нашего сектора, и они всегда были готовы помочь нам в ответ. Мы не нарушали законы, если только это не было необходимо, и у нас была защита тех, кто верил в наш клочок свободы на полотно вселенной... Кхе-кхе... Сегодня нам как никогда нужна защита от всех, кто зарится на наше богатство и юридическую защиту. Поэтому, я принял решение, которое бы принял любой на моём месте. Я заключил союз с одним из наших врагов ради спасения от остальных...

Зал гудит, зал полон негодования, обвинения сыплются в адрес фракции президента совета правления, попытки успокоить негодующих приводят к обратному результату, и проход ещё час, прежде чем старик может продолжить.

— Я понимаю вашу реакцию: вы обвиняете нас в принятии важного решения, без обсуждения со всеми членами совета. И я искренне прошу прощение за подрыв вашего доверия. Но есть ли человек среди нас, кто так же рadeет за сохранения Восточного сектора, как и я? Спросите себя: давал ли я повода усомниться в моей верности? У нас не было времени, не было возможности выйти сухими из воды. И мне пришлось замарать себя союзом с одной из сторон... Кхе-кхе... Дабы не давать возможность саботировать решение моих сторонников, я пока не стану называть вам организацию, согласившуюся на мои условия. Мы ослаблены, нам нужна защита, и в этот самый момент грузовые корабли наших новых покровителей прибывают на одну из станций хранения. Я подготовил плату в виде производственных металлов. Стоимость, с какой мне пришлось расстаться, может некоторых ошеломить, но это малая цена спасения. От имени нашего сообщества я согласился на ежемесячную выплату. Также мы дадим гражданство сотне партнёров из их организации, а также в совет правления вступят три новых члена, назначенные ими...

Аукционный зал был готов взорваться от возмущения. Совет закипал, кровь била в голову, слёзы наворачивались на глаза. Но зал не взорвался. Совет, состоящий из всех присутствующих людей, перегорел. Президенту оставалось только с болью в сердце наблюдать, как члены его немалой семьи опускают руки. Горькое чувство разочарования в человеке, которого они уважали, явно читалось на их лицах. Запах предательства витал в воздухе, а надежда была отнята. Но старик собирался вернуть каждому те малые крупички надежды, разжечь то, что ещё теплилось в их сердцах.

— Я подвёл вас, дети мои, подвёл в том, что не придумал иного решения. Я заключил контракт на год. Год предательства, год унижения. Но не год гибели. Мы не погибнем, никто из

близких нам людей не погибнет, с сегодняшнего дня мы будем защищены. Все ближайшие сектора это узнают, и в течение этого года мы найдём выход из сложившейся ситуации, мы придумаем, как встать на ноги и вернуть себе своё. Никто не говорит о поражении, мы лишь идём на уступки ради выживания! И мы выживем, и восход опять посетит все наши системы!

Кто-то аплодирует, кто-то кричит слова поддержки. Но их мало, слишком мало.

«Почему вы так смотрите на меня? Почему вы молчите? Не ругаете и не хвалите, скажите что-нибудь, что угодно, только не молчите, не смотрите на меня с такой невыносимой мукой!»

— Мы... кхе... мы все здесь семья, одна большая семья, и наихудшим исходом станет разлад среди нас, война внутри организации. Поэтому прошу принять мой эгоистичный поступок как ошибку и подстроиться под обстоятельства, прошу не совершать ещё больше глупостей, чем совершил я, и мы выживем, наше дело выживет, всё встанет на круги своя...

Регент поднимается со своего места. Она движется в своей неизменно холодной манере. Слишком спокойна — сейчас не угадать о чём она может думать, идёт, как и положено лидеру, скрывая слабость в своей искусственной красоте.

Президенту правления помогают вернуться на место, только чтобы за трибуну встала Ванесса. Зная нрав своего регента, большинство присутствующих поражены её стойкостью, тем, что она не начала рвать и метать, когда узнала, что совершил старик.

— Я возьму на себя смелость подвести итоги, — приятный голос окончательно приковывает внимание к регенту, — как и сказал наш уважаемый президент: у нас нет права на разлад и междоусобицу, мы должны поддерживать друг друга и исходить из сложившейся ситуации, особенно если это результат поступка одного из членов семьи. Но прежде чем закончить, я бы хотела пригласить на сцену одного забытого многими человека, некогда входившего в состав нашего совета...

Апатия безнадёжности сменяется удивлением, чувство того, что собрание ещё далеко от завершения, заставляет зал ожить.

«Нет, — президент давится собственными догадками, — она не посмела, этого не может быть!»

Из-за ширмы выходит высокий худой мужчина с острыми чертами лица, становится подле регента и сухо кивает залу.

— Господа, — меж тем продолжает регент, — вы все помните Блюса Элджейса, нашего представителя на станции «Ребелентис».

Ропот среди фракции президента не заставляет себя ждать.

— Сей почтенный муж на протяжении долгих лет защищал наши интересы и обеспечивал приток денежных средств от нашей доли на станции. Вы могли слышать, что он покинул своё место, так как не справился со своими обязанностями, и его заменили другим нашим представителем. Что ж, это правда, но только наполовину. В течение последнего года Блюс разработал план, который лишил его должности на станции, но в то же время обеспечил его поддержкой весьма влиятельного человека. Никаких выплат, никаких ультиматумов, никакого внедрения в дела нашей организации. Блюс оказывает поддержку самостоятельно, не используя ресурсы нашего сектора, а взамен мы получаем флот, и на нас это никак не отражается.

«Она вернула им надежду, но какой ценой...»

Старик встаёт, не заботясь о потере лица, и кричит во всю силу своих дряхлых лёгких:

— Кто они?

Все затихают, многие смотрят на президента как на безумного старика. Пусть смотрят: главное, чтобы они услышали...

— Что ж, вы имеете право знать, чей флот выступит против наших врагов, — улыбается Ванесса, — на нашей стороне выступят корабли Союза работоторговцев.

— Немыслимо! — за секунду до того, как отреагировали остальные, Ханоши вскакивает с места, забывая, что ранее сам обещал регенту свою поддержку.

Совет гудит, совет похож на улей. Кто-то хочет подняться на сцену, но их останавливают более рассудительные товарищи, кто-то собирается уйти, но всё же остаётся, чтобы узнать результаты собрания. На какое-то время совет из улья превращается в зверинец... Но это нормально, это проходит, и со временем голоса затихают, хоть и не сразу, но все успокаиваются, люди уже устали кричать за сегодняшний день, устали от решений регента и президента, устали бояться, устали быть и не быть собой.

Нарушая правила собрания к сцене выходит президент, но его никто не останавливает. Старик плох, старик держится из последних сил. Пот стекает по его лицу, руки трясутся, а голос подобен карканью ворон.

— Как же так, Ванесса? Только не так... Наше... Наша репутация... Я уже организовал оплату...

— Не беспокойтесь, дедушка, — голос регента, как и всегда, наполнен силой и уверенностью, — никто не знает, чьи корабли будут выступать на нашей стороне... только если кто-то из нас не проговорится. И можете не беспокоиться за Ваши активы: недавно нам сообщили, что на грузовой караван клана «Купол», направляющийся к одной из наших станций хранения, было совершено нападение неизвестной флотилии. Только не вините меня сверх меры, ведь, как Вы и сказали: мы семья, и следует подстраиваться под ситуацию, исходя из поступков членов нашей семьи. Я сделала свой ход, президент совета правления, я приняла решение, и теперь мы вынуждены защищать наш сектор в равном противостоянии. Можете ненавидеть меня, кричать, грозиться уйти, но мы все знаем, что предательству здесь не будет места. Проблема нашей боевой мощи решена: Блюс обеспечил нас флотом, и он уже продемонстрировал свою разрушительную силу. С этого момента, как регент, я призываю мобилизовать все ваши силы и показать, кому принадлежит Восточный сектор!

Ноги президента подкашиваются, но упасть ему не дают: его ловят и аккуратно усаживают на ступени.

«Немыслимо, любовь мужчины к ней спасла нас тогда, и спустя полвека решение оказалось то же... Где же я ошибся, что не способен понять влияния любви на этот мир?»

***

ИУ-100S

Ни у кого не было настроения что-либо делать. Команда разместилась в командном центре, без какой-либо цели времяпровождения. Молодые люди просто убивали время, как и миллиарды

других людей в Бездне. Ума два дня назад предусмотрительно перетащил в командный пункт диван и теперь беззаботно дремал в ожидании чего-нибудь интересного. Кун, в спешке прогоняя перед глазами трёхмерные руны, с головой ушёл в чтение одного из классических произведений послевоенного периода. Док был занят просмотром смешных визиороликов, Тесса увлекла себя маникюром, а Винсент и Ким играли в какую-то логическую игру. Спокойствие на грани скуки. Повседневность, нуждающаяся в спасении. И спасение не заставило себя ждать.

— Может, сыграем в «Пере-мере-Везилион»? — предлагает Тесса, сидя во главе овального стола и окрашивая ногти в фиолетовый цвет.

— Боюсь спрашивать, какие правила могут быть у игры с подобным названием. — Неуверенно гундит врач. — Говорю сразу: если там надо вызывать злых мифических существ, то я пас.

— Не волнуйся, это современная игра молодёжи, даже Ума когда-то в неё играл.

— Ага, — без явного воодушевления подтверждает юноша, — играл пару раз, с чего и началось моё познание алкогольного воздействия на организм. Что-то у меня нет счастливых моментов, связанных с этой игрой, и сомневаюсь, что будет.

— Кажется, у кого-то духу не хватает, — Тесса дует на ногти, — может оттого, что ты ни разу не смог победить?

— Просто у меня команда была слабая...

— Ну конечно.

— Да и вообще, до знакомства с тобой я не подвергал свой организм алкогольным отравлениям и сейчас не собираюсь потакать твоим попыткам утянуть меня в этот кошмар.

— Если боишься, так и скажи.

— Да, Ума, — подхватывает Док, — если боишься, то так и скажи, мы поймём.

— Ты-то куда «дакаешь», докторишка? — сползая с дивана, ворчит монах, — ладно, давайте сыграем, и только чтобы посмотреть на твоё лицо, когда ты поймёшь, какую ошибку допустил.

— Отличненько! — хлопком в ладоши Тесса привлекает внимание всех присутствующих, — давайте разделимся на три команды по жеребьёвке. Кун-то точно не откажется от игры, в процессе которой нужно пить. Ким, зая, ты же не упустишь шанса унижить наших неотёсанных товарищей? Винсент, тебе уже и деваться-то некуда, придётся участвовать.

Фея на плече авинца встrepенулась, запорхала, в намерении заявить протест, но в последний момент передумала и плавно спикировала обратно на плечо хозяина. А Тесса уже вбивает имена игроков в программу случайных комбинаций и с радостным блеском в глазах выводит перед взорами почти всех присутствующих результат жеребьёвки.

Тесса и Ким, Винсент и Кун, Ума и Док. Три команды сформированы волей случая, чтобы только одна из них смогла избежать унижительного проигрыша. Ума не рад результату жеребьёвки и какое-то время продолжает ворчать. Винсент, пока девушки не закончили приготовления к игре, пытается ознакомиться с правилами в сети. Кун сохраняет равнодушное спокойствие, а Док морально готовится проиграть.

— Вы только не волнуйтесь, — успокаивает всех зачинщица, — правила довольно просты, и не заметите, как вольётесь в игру.

— Ты только сразу про главное правило скажи, — вяло напоминает монах, — во время игры нельзя кричать, негативно высказываться в адрес оппонентов и причинять какой-либо физический вред, если этого только не требует от игроков сама игра. Я в первый раз на этом и прогорел...

— Итак, всё готово! — почти радостно оповещает Тесса, и команды тратят некоторое время на размещение за столом.

Винсент и Кун сели рядом с явным непониманием того, чего от них хотят, девушки хихикали, предвкушая лёгкую победу, а Ума пытался угрозами поднять боевой дух врача. Проходит ещё минута, и перед игроками уже стоят приготовленные девушками лёгкие коктейли, Кун, было, сразу намеревался взять свой бокал, но Ким ударила его по руке и многозначительно покачала головой: вне игры употреблять строго запрещалось.

Активация игровой программы завершается и над столом появляется изображение игрового гида. Голограмма гуманоида неопределённого пола осматривает игроков и без проявления каких-либо эмоций решает начать игру...

«Игра будет длиться полчаса. В три этапа. Каждый этап по десять минут, — монотонно бубнит программа, будто её заставили быть ведущей, — вы должны были приготовить три вида напитков: лёгкой, средней и тяжёлой крепости, соответственно на каждый этап игры. С начала игры делать всё, что я говорю, не ругаться и не задавать вопросов, выражать эмоции только в условленных перерывах. Мухлёж наказуем в порядке правил, но безосновательная клевета по отношению к другим командам не менее наказуема. Начало через минуту, прошу уважить противников».

Из почти ничего не понимающей группы людей, только Ума и Тесса знали, чего ожидать и что делать, поэтому они одарили друг друга улыбками, чего, кстати, раньше никогда не делали.

— Я говорил, как ты прекрасна? — спрашивает монах, — нет? Наверное, потому что это не так.

— Я тобой восхищаюсь! — не уступает ему подруга. — Сказала бы я в реальности, где ты бы не был таким жалким отбросом...

Юноша не успевает ответить, так как звенит будильник, возвещая о начале раунда, голограмма в центре стола решает вскинуть руку и над ладонью гида начинает кружение ураган из символов, изображая тем самым случайный выбор дальнейшего развития событий.

«Прошу осушить бокалы», — почти несчастно командует программа, и игроки незамедлительно выполняют условие.

«Первый жребий падает на команду „Тесса и Ким“, так что в этом этапе вы следите за напитками», — и девушки незамедлительно наполняют бокалы всех присутствующих.

«Итак, первый этап — испытание разума, и первый удар принимает команда „Винсент и Кун“, вам необходимо отгадать загадку, — в воздухе появляются строки, но, тем не менее, гид решается их озвучить, — у отца Кэсси было четыре дочери: Ката, Като, Кота, как звали четвёртую?»

— По-моему, ответ очевиден, — встrepенулась голограмма феи на плече немого хозяина.

— Я отвечу, — перебивает Кун.

Винсент, пожав плечами, выказывает согласие.

— Четвёртую дочь звали Кото, — хрипит хантер, берясь за бокал. Стол погрузился в безмолвие.

«Что ж, какая жалость, сказал бы я, не будь мне всё равно. Это не правильный ответ, нужно было внимательнее читать задание. Винсент и Кун обязаны осушить свои бокалы. А я перехожу к жеребьёвке задания для Умы и Дока».

Пока гид уходит в себя, монах задумчиво почёсывает подбородок:

— Восхитительно, — искренне говорит юноша, — просто великолепно! Он намеренно дал неправильный ответ, чтобы выпить содержимое стакана. Даже на секунду не усомнился в своей способности усвоить любое количество выпитого! Основная угроза этой команды, конечно же, их алко-выносливость, Док, чтобы победить, нам следует разработать соответствующую стратегию...

«Довольно трепаться, — гундит голограмма в преддверии очередного задания, — Ума и Док, вам выпала игра в портовых профурсеток. Один из вас должен будет объяснить загаданное слово используя слова, начинающиеся только на букву „П“, другой должен будет отгадать слово до того, как это сделают другие команды».

— Что ж, — хлопает себя по ляжкам Док, — мы в невыгодном положении по отношению к нашим противникам, поэтому я возьму на себя первый удар. Позвольте-с ознакомиться со словом.

«Напоминаю, что для Дока использование слов, не начинающихся на букву „П“ влечёт за собой игровые штрафы, говорить и задавать вопросы могут только члены команды Умы и Дока, члены других команд могут только выкрикивать загаданное слово, но если вы не угадаете, то вас также ждёт штраф... приступим».

— П-п-пфф, — задумчиво начинает Док, — предположим, полёт, пассажиры...

— Какой-то вид транспорта? — Ума пытается понять ход мысли, — космолёт? лайнер?

— Плохо, — вздыхает Док, — попробую по-другому. Посмотреть повыше, прищуриться, понравилось, приятно.

— Не понял... вообще.

— Птицы полетели, полетели, пропали.

— Горизонт?

— Похоже. Посмотри повыше. Плохая погода — плохо посмотрел. Прекрасная погода — понравилось.

— Звёзды?

— Продолжай, почти...

— НЕБО! — вдруг не выдерживает Тесса и выкрикивает давящий на голову ответ. Тишина виснет над столом, Ума включает звуки сверчка. Док хитро улыбается...

«Тесса дала неверный ответ — она больше не имеет права угадывать и должна осушить свой бокал».

— Скотина! — шипит девушка, беря в руку стакан, — он даже не пытался объяснить слово, он просто провоцировал нас на неверный ответ!

— А правила этого не запрещали, — невинно улыбается Ума, — продолжим!

— Продолжим, — кивает Док...

— КЛЮВ! — неожиданно выкрикивает Кун, отчего Тесса поперхнулась и выплюнула половину выпитого напитка.

«...Кун дал неверный ответ... — казалось бы, в сомнениях оповещает игровой гид, — он больше не имеет права угадывать и должен выпить содержимое бокала...»

— Балиииин! — с нотками восхищения говорит сам себе Ума, — он опять дал неверный ответ, чтобы выпить. Этот человек не понимает правил... нет, он просто стоит выше любых правил взрослых игр.

— Продолжим? — неуверенно говорит Док. Ума кивает.

— Предыдущие попытки — плохо. Продолжу повествовать правильно. Перегородка, прикрыть помещение, повсеместно.

— Какая-то бытовая вещь?

— Правильно, продолжай. Предмет, прикрывающий помещение.

— Окно? Что-то вроде этого?

— Продолжай, по-другому.

Пока Ума перебирает в голове возможные варианты, Ким и Винсент молчат, не желая попасться на очередную уловку своих противников.

— Дверь? — наконец говорит монах, и Док одобрительно кивает.

— Почти, помни первую попытку, плюс полёт, пассажиры.

— Дверь плюс космолёт? — с сомнением говорит Ума, и наконец, выкрикивает:

— ЛЮК!

— Правильно!

«Что-ж, Ума отгадал слово, его команда переходит на второй этап игры, остальные команды должны выпить штрафную порцию напитка...»

И игра завертелась в новом темпе, не оставляя возможности оставаться в стороне, обрекая равнодушие на заинтересованность и запирая трезвость мысли в дальние уголки сознания.

«Команда Тессы и Ким должна собрать голо-пазл за одну минуту».

Кун, наблюдая, как девушки успешно справляются с заданием и переходят на второй этап игры, осознаёт, что на втором этапе подаются более крепкие напитки, отчего мотивация победы преобразует хантера в непобедимого игрового монстра.

«Винсент и Кун должны собрать бутылку за две минуты и сделать из неё три глотка».

— Какую бутылку? — спрашивает фея, сидящая на плече авинца.

— Вот эту, — отвечает Ума и швыряет одну из пустых бутылок в стену.

«Время пошло».

— Так вот для чего в игре нужны стеклянные бутылки, — с глубинным осознанием шепчет Ким, наблюдая, как её противники в спешке склеивают посудину, используя ранее приготовленный для игры пищевой клей.

«Осталось двадцать секунд», — оповещает скучающий ведущий, и Кун, изрезанными от осколков пальцами поднимает криво собранную бутылку, Винсент наливает туда выпивку, чтобы кросс-хантер в три глотка осушил содержимое.

«Винсент и Кун переходят на второй этап игры, они также обязаны обеспечивать всех игроков напитками средней крепости. Второй этап — испытание тела. Ума и Док должны за тридцать секунд расцеловать всех игроков. Время пошло».

А на следующий день они уже и не вспомнят, как носились между товарищами, одаривая их поцелуями. Как Ума в спешке поцеловал лысину грозного кросс-хантера, как во время выполнения задания Док перешёл черту и, отброшенный мощным ударом Ким, перелетел через стол, как монах впился в губы Тессы слишком долгим поцелуем, и как она не стала его отталкивать...

Звучит разливная трель, и это значит, что необходимо осушить стаканы.

«Тесса и Ким, используя розги, вы должны нанести по удару каждому противнику, если никто из них не издаст ни звука, вы провалите это задание и должны будете употребить дополнительную порцию напитка...»

Кун, привычный к боли, и бровью не повёл, когда по нему ударили гибкие прутья. Ума не переставал улыбаться, казалось бы, предвкушая и наслаждаясь моментом. Винсент вообще был нем от рождения, а Док чтобы сдержать крик, укусил край стола.

«Винсент и Кун, стоя на руках, используя соломинку должны выпить по сто грамм напитка...»

«Ума и Док, используя шарик, наполненный кипятком, должны выполнить бросок шарика друг другу, стоя в разных углах комнаты...»

«Тесса и Ким, разбейте одну из пустых бутылок, используя голову...»

«Ким оштрафована, разбивать бутылку об голову противника, тем более, пока я не закончил говорить правила, запрещено...»

Дальнейшие события воссоздать в своей памяти не смог ни один из игроков. Кто-то пытался привести в чувства потерявшего сознание от удара бутылкой Дока, при этом неосознанно требуя, чтобы позвали врача, а остальные в это время были заняты руганью и киданием друг в

друга всеми видами посуды. После этого они были оштрафованы, но всё же перешли на третий этап игры, где испытывалась сила духа, где Тесса не выдержала и разрыдалась, когда ей показали трёхминутную романтическую драму, к слову разрыдался и Док, когда вспомнил, как его оглушили бутылкой. Зато Кун, Ума и Ким на равных выдержали сцены жестокого обращения с людьми, но, когда перешли на сцены жестокого обращения с животными, Ума и Кун сдались одновременно. Винсент продержал на голове наполненный до краёв стакан, выслушивая поочерёдные оскорбления Умы и Тессы, при этом ему удалось не разлить ни капли содержимого. При этом Винсент проиграл Доку, когда, слушая на пару самые отвратительные звуки в мире, авинец не выдержал и выблевал в уборочное ведёрко всю совокупность содержимого своего желудка.

И монотонный голос ведущего сливался со смехом и криками игроков, напитки наливались и разливались, комната кружилась, стол сломался, ведущий увеличил мощность динамиков, кто-то ещё смеялся, кто-то смеяться уже не мог, кто-то забывал о соблюдении правил и получал штрафные порции алкоголя.

...Когда же прозвучал сигнал об окончании игры, в боеспособном состоянии оставались только Тесса и Кун, но место победителя должно было достаться только одному из игроков...

***

Спустя неделю, на одной из станций Тетра-Виа, человек в белом костюме прошёл по коридору, улыбаясь и здороваясь со всеми сотрудниками ассоциации, что попадались у него на пути. Это было так утомительно, что мужчина ворвался в один из кабинетов, совершенно не заботясь о том, что могут увидеть его истинное выражение лица. Выражение, пугающее больше смерти.

— С возвращением, — слегка кивает сидящий в углу комнаты длинноволосый мужчина с утончёнными чертами лица, — как прошло?

— Ах, как меня достали эти идиоты. Конфронтация с командой прошлого председателя была гораздо занимательней. Такое ощущение, что они даже в туалет без подтверждения сходить боятся.

— У них появились опасения касательно Вас? — посетитель в углу медленно откидывается назад, отчего его силуэт исчезает в тени.

— Даже если так, не думаю, что в ближайшее время они порадуют меня какими-либо действиями, — мужчина в белом пересекает комнату и падает в кресло, — ты разослал приглашения, как я просил?

— Конечно, а в свободное время наблюдал за командами в вершине Ваших ожиданий.

— И?

— Касательно команды победителя турнира... Я не увидел ничего, что могло вызвать Ваш интерес. Его команда даже особо не тренируется, боюсь, что на десятом уровне от них не следует ждать многого.

— Не стоит спешить с выводами, ты же видел записи его побед на «Ребелентисе», — человек в костюме вдыхает приятный аромат кресла и закрывает глаза.

— Видел, но после увиденного за эту неделю мне кажется, что его победы были везением чистой воды.

— Только не говори мне, что ты опять вёл дневник наблюдений. Это плохая привычка, очень. Таких людей как ты называют извращенцами.

— Тем не менее, — силуэт в углу поднимает ладонь, и над ней высвечиваются записи, — только взгляните на их распорядок дня в течение этой недели...

— Даже если бы мне до этого хотелось это знать, то сейчас я бы утратил весь интерес...

— За всё время Кун Антис спал сутки напролёт, и помимо жизненно необходимых мероприятий изредка проверял свою почту. Девушки...

— А вот тут осторожней.

— Девушки смотрели сериалы и тратили кучу времени на выбор и заказ одежды. Врач тратил по три часа утром, чтобы выбрать, какая причёска ему идёт больше, но так ничего выбрать не мог и переносил решение на другой день. Затем Док обычно проводил время с авинцем, прося того помочь ему в медицинских экспериментах. Причина, почему ему был нужен слепой ассистент, состояла в том, что врач хотел разыграть капитана команды. Он использовал бытовые условия, чтобы вывести грибок, снижающий потенцию... — на секунду кажется, что мужчина, сидящий в углу готов расплакаться, но всё же он продолжает, — но у доктора даже это не получилось, и всё, чего он добился, так это разнёс по кораблю раздражитель, вызывающий временную слепоту. Если бы не авинец, кто знает, чем бы всё это закончилось.

Человек в белом молчит, не зная, что сказать и как успокоить распалённого собеседника.

— И эта команда должна быть в верхушке рейтинга? Ну ладно, допустим. А что же тогда капитан? — вновь заводится сидящий в углу. — Первый день: Ума Алактум спит, кормит птицу-грифа. Второй день: Ума Алактум играет с птицей, спит, не идёт на контакт со своей командой. Третий день: Ума Алактум спит, кормит птицу и готовит себе запас еды на следующие несколько дней.

Гость тяжело дышит, отчего его ухоженные волосы слегка теряют свою элегантность.

— Четвёртый день: Ума Алактум смотрит новинки фильмов, попутно уделяя внимание грифу. Пятый день: из-за недосыпа в виду просмотра кинокартин, Ума Алактум почти весь день спал, а в остальное время игрался с птицей и учил его трюкам. Шестой день: у него наконец-то закончилась еда, капитан выбрался на кухню и там встретился с некоторыми членами своей команды, где и подхватил грибковый раздражитель, выведенный Доком. Весь оставшийся день они вслепую выводили лекарство. Седьмой день: Ума Алактум весь день игрался с птицей, в большей степени даже говорил с ней, ещё он удосужился сделать довольно продолжительный звонок по гиперсвязи... И это один из лучших участников десятых уровней? Да чтобы пять лет назад мы могли себе позволить что-то по...

Человек в белом костюме встаёт, плавными шагами подходит к собеседнику и, используя одно быстрое и плавное движение, пальцами разрывает горло длинноволосого гостя. Утончённое лицо говорившего искажается болью, кровь заливают его грудь и пытающиеся прикрыть рваную рану руки. Кашель сливается с бульканьем, длинные волосы слипаются в красные комки, а кровь вытекает пропорционально жизни, пока тело сидящего в углу человека не сползает на пол...

— Я же говорил, что не люблю нытиков, — стряхивая кровь с руки, шипит мужчина в забрызганном кровью костюме...

«Я не знаю, что ты хочешь услышать. Я не знаю, что я в действительности хочу сказать. Наши беседы ни разу не унимают демонов прошлого. Да, я слышал, что так и должно быть. Вытащить наружу всё, что могло накопиться и раздавить... что? Не раздавить? Отпустить... да отпустить.

Ох, тяжело. Тяжело облечь картины в слова. Потому что картины выбиваются из последовательности рассказа. Они мне снятся. И в последнее время сны становятся всё ярче...

Кошмары вернулись, любовь не пришла. Может, именно поэтому я и предлагаю использовать анабиоз во время перелётов? Может, именно поэтому я устаю до такой степени, чтобы на сны не оставалось сил. Но всё хорошо, пока я буду продолжать истязать себя, кошмаров не будет. Что? Нет, я не наказываю себя, мне не за что себя наказывать...

Мне действительно хочется рассказать тебе всё, но я не знаю, как продолжить. На чём же я остановил свой рассказ? Ах да, пираты...

Восемь лет назад сильнейшее пиратское объединение космических отшельников бросило вызов вольным корсарам, вольному народу космоса, да и королю пиратов лично. Да ты это и сама прекрасно знаешь. Флотилии обеих сторон столкнулись в одной из пустынных систем космоса, чтобы сразиться за право охотиться на просторах Бездны. Космический Дозор прекрасно знал о предстоящем бое, но ничего не предпринимал. Совет Веста приказал дожидаться исхода войны и добить выживших пиратов. Вполне разумно. Только вот из-за этой задержки, один из кораблей отшельников смог сбежать с поля боя. Да, флотилии обеих сторон были почти уничтожены, но именно этот один корабль смог уйти от преследования, только чтобы пополнить запасы пищи и горючего на первой попавшейся планете. Система Лёд, планета Парк.

Да, именно та самая планета, где один неугомонный мальчишка обучался у спустившегося с небес мастера. Корабль пиратов спустился в окрестностях города, в одном из населённых пунктов ничего не подозревающих жителей. Представители власти лишь создавали видимость порядка и не более, на протяжении многих лет парковцам и не требовалась твёрдая рука закона. В тот день всего два десятка корсаров захватили населённый пункт, подавив жалкое сопротивление без особого труда...

Дальше... дальше только обрывки картин придуманной мной истории...»

***

...это был обычный будний день. Два парня встретились в парке центральной улицы после проведённого со своими семьями обеда. Друзья думали сходить посмотреть одну из новинок кино, когда над городком появился космический крейсер класса F, с возможностью размещения до двадцати человек на борту.

Зеваки не заставили себя ждать, и вот уже треть от почти тысячного населения поселения вовсю разглядывает парящий корабль. Стоило задуматься: почему корабль направился не в центральный (и единственный) порт города, а в малолюдный пригород. Также стоило задуматься: почему лайнер не был задержан ни на что не годным патрулём. И уж совершенно точно сразу следовало обратить внимание на то, что это боевой корабль. Хотя было уже слишком поздно...

...ученик бежал как никогда быстро и, забыв обо всём, чему его учили, позволил дыханию сбиться, а сердцу предательски колотиться. «Учитель, — это всё, что он смог выдать из себя,

ворвавшись в открытый шлюз корабля, прежде чем упасть на колени, — учитель, там...»

Голос наставника велел юноше успокоиться, но парень не мог выбросить из головы картины насилия над близкими ему людьми. Казалось, он всё ещё слышит крики, видит картины стрельбы по убегающим людям, чувствует запах страха и крови. Ученик твердил только одно: «им нужно помочь!» И ни одно из слов учителя не доходило до разума юноши...

— Им нужно помочь, им нужно помочь, — твердит стоя на коленях и раскачиваясь из стороны в сторону ученик.

— Хорошо, — наконец, соглашается наставник, — иди в граврум и выбери себе оружие.

Парень вскакивает и несётся в одно из помещений переоборудованного космолёта. Бежит так быстро, что на секунду ему кажется, что дверь не успеет открыться, и он в неё врежется. Но дверь успевает отъехать в сторону и пропустить юношу. Ученик сразу бросается к стеллажам со всевозможными видами холодного оружия. Взор его перебегает от мечей к алебардам, от алебард к цепу, от цепа к копьё и от копьё к стилету. До оружия остаётся пара шагов, когда что-то идёт не так: неведомая сила вжимает парня в пол, не позволяя не то, что подняться, даже пальцем пошевелить.

— От... отпустиии, с-сво-о...

— Однажды ты поймёшь. Даже если ты меня возненавидишь, я не могу отпустить тебя на верную смерть. Ты пока не готов. Я могу позволить тебе сражаться, только если в противном случае ты наверняка умрёшь.

— ВОАААААА! — воет мальчишка и пытается оторваться от пола. Казалось бы, на секунду ему удаётся приподняться, но лишь на секунду...

Сантиметр. Два. Раздавленной мухой, парень ползёт по начищенному до блеска полу. И не важно, каких усилий ему это стоило. Не важно, какую боль он испытывал при каждом вздохе. Он уловил главное: если выбраться отсюда с оружием, то он сможет спасти свою семью. Ещё можно успеть, ещё ничего не кончено...

«Ты должен спасти оставшихся, иначе они убьют всех и направятся сюда...»

...сердце предательски колотится, ладони становятся непослушно холодными, но отступить было нельзя. Парень замедляет сердцебиение и старается ни о чём не думать, представляя, что это очередная тренировка. Стрела отправляется в полёт...

Странно, но юноша ничего не почувствовал. Как будто это не он убил человека. Будто...

...ученик крадётся к месту расположения корабля корсаров. Захватчики произвели посадку аккуратно в центральном парке, и логично было предположить, что спать они расположились где-то неподалёку...

...мысли путались, страх боролся с необходимостью, плач сменился смехом. Сознание расплавилось и воссоздалось вновь. Его вырвало на остывающий труп. Забиться в угол, впиться зубами в руку, постараться не сойти с ума... Улыбнуться...

...юноша пищит от удовольствия и натягивает тетиву. Семь целей — девять стрел...

<http://tl.rulate.ru/book/8500/202216>